

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-69-92

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ УРБАНИЗАЦИИ И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются основные этапы урбанизации, которые выделяются на основе концепции урбанистических революций Эдварда Сойи. Анализируется специфика пространственной организации, характерной для каждого из этапов. Особое внимание уделяется особенностям современного этапа урбанизации, на котором речь идет не только о городах, но и более сложных пространственных образованиях, например, агломерациях. В центре внимания статьи оказывается постметрополис как та пространственная форма, которая, согласно Сойе, приходит на смену традиционному метрополису, в том числе и вследствие развития информационных и коммуникационных технологий. Подробно рассматривается трансформация пригородов, которые из однородных жилых районов превращаются в многофункциональные “города на краю” и даже “бескрайние города”, которые чрезвычайно сложно отобразить на карте вследствие их рассредоточения по обширным территориям. Современная урбанизация демонстрирует пространственную морфологию, которая отражает изменения, вызванные становлением постиндустриального общества, глобализацией и научно-техническим прогрессом.

Ключевые слова: урбанизация, пространство, город, пригороды, агломерация, постметрополис, Эдвард Сойя.

THE MAIN STAGES OF URBANIZATION AND THEIR COMPREHENSION IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORY

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article discusses the main stages of urbanization, which are distinguished on the basis of Soja's concept of urban revolutions. The specificity of the spatial organization of each of the stages is analyzed. Particular attention is paid to the features of the current stage of urbanization, in which there are not only cities, but also more complex spatial formations, such as agglomerations. The article focuses on the postmetropolis as the main contemporary spatial form, according to Soja, which is replacing the traditional metropolis. This process is a result of the development of information and communication technologies. The transformation of the suburbs is also considered; the suburbs are turning from homogeneous residential areas into multifunctional "edge cities" and even "edgeless cities", which are extremely difficult to map due to their dispersal over vast territories. Modern urbanization demonstrates a spatial morphology that reflects the changes caused by the formation of a postindustrial society, globalization and scientific and technological progress.

Key words: urbanization, space, city, suburbs, agglomeration, postmetropolis, Edward Soja.

Любые теоретические разработки в области исследований города и урбанизации обусловлены признанием значительных изменений социальной, экономической и политической жизни. Следовательно, любые концепции города и урбанизации детерминированы, в первую очередь, историческим процессом, хотя и ведут к оформлению разнообразных подходов, которые предлагают авторы¹. Но каждая из теорий и концепций объясняет те исторические условия, в которых она была изначально разработана, поэтому для понимания специфики современного этапа урбанизации и его отражения в социологических теориях необходимо проследить всю историю эволюции урбанистического пространства.

Как весьма образно указывает американский исследователь Л. Мамфорд, город долгое время символически был целым миром; а сейчас мы видим мир, который во многом превратился в город². И именно происходящие социальные изменения дают "второе дыхание" исследованиям города и урбанизации в социологии, поскольку со второй половины XX столетия урбанистическое пространство претерпевает довольно серьезную трансформацию, что получает свою интерпретацию в современных социологических теориях.

Так, урбанизация представляет собой гораздо более сложное явление, нежели просто переселение людей из сельских районов в городские, поскольку формируется новый образ и стиль жизни. Американский социолог Ч. Тилли предлагает рассматривать урба-

¹ McQuarrie M., Marwell N.P. The missing organizational dimension in urban sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. N 3. P. 249.

² Mumford L. The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L., 1989. P. XI.

низацию как макропроцесс, связанный с повседневной жизнью, но вместе с тем позволяющий лучше понять социальную историю в целом³. С его точки зрения, изучение городов и процессов урбанизации является лучшим способом для того, чтобы проследить изменение общества, поскольку город — это базовая форма организации пространства и социальной жизни. Поэтому все этапы урбанизации находят свое отражение в социологической теории, позволяя увидеть трансформацию не только пространственных форм, но и общества в целом.

Первые города возникли несколько тысячелетий назад и за этот период они стали, по словам Р. Парка, общепринятой “пространственной конфигурацией”⁴, т.е. фактически представлять собой историческую форму организации социальной жизни, существующую со времен цивилизационного перехода. Более того, сам термин “цивилизация” своими корнями уходит к латинскому *civis*, который трактуется многими авторами как “гражданин, проживающий в городе”⁵. На это указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, считая, что “противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации”⁶. Схожие идеи высказывает и уже упомянутый выше Р. Парк, для которого город представляет собой естественное обиталище цивилизованного человека, поскольку именно в городе человек создал философию и науку: “...именно в городской среде — в мире, который человек сам себе создал — человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей”⁷. Тем самым, урбанизация является одним из ключевых процессов, представляющих интерес для социологии, поскольку социальная, экономическая, политическая и культурная жизнь общества концентрируется в городах, а с XX столетия и в более сложных урбанистических образованиях.

Социальная история — это во многом урбанистическая история, поскольку общества любой эпохи конституируются преиму-

³ Tilly Ch. What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. N 6. P. 702–719.

⁴ Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11.

⁵ Palen J.J. The urban world. L., 2008. P. 3; Soja E. W. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. P. 23.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология: Сб. М., 2000. С. 373.

⁷ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3.

щественно теми же процессами, которые формируют их города⁸, и поэтому неудивительно, что Р. Парк в заголовке одной из своих ключевых статей называет город “социальной лабораторией”. Для него именно город является “предпочтительным местом для исследований социальной жизни”⁹, поскольку он убежден, что города являются теми пространствами, где разворачиваются наиболее значимые социальные процессы. При этом численность жителей городов к началу XIX в. составляла лишь 3% мирового населения¹⁰, однако это не мешало относительно небольшим по современным меркам городам на протяжении многих столетий быть экономическими, политическими и культурными центрами всех великих древних цивилизаций, поскольку урбанистическое пространство во все времена характеризуется максимально разнообразными видами деятельности людей.

Французский социолог А. Лефевр предпринимает одну из попыток выделить основные этапы развития городов и урбанизации, значимые для социальной истории. По его словам, если попытаться представить процесс урбанизации как прямую, на которой точка отчета соответствует отсутствию городов, а с другой стороны находится полностью урбанизированное общество, в котором и сельская местность под влиянием городов превратилась в урбанизированные территории, то можно проследить, как развивался процесс урбанизации¹¹. Ближе к нулю появляется полис, т.е. город как политический центр, который доминирует в окружающей его сельской местности. Чуть дальше на оси можно отметить торговый город, в основе развития которого оказались операции обмена, расширение связей, в том числе и с иностранцами, деньги и движимое имущество. Затем история городов представляет собой дуальное развитие индустриализации и урбанизации, когда сельское хозяйство становится менее значимым, нежели ремесла и промышленное производство, что открывает путь к развитию капитализма и становлению нового типа города.

Тем не менее, многие современные города уже не являются индустриальными центрами, что стало одним из результатов трансформации рынка труда при переходе к постиндустриальному обществу. Эти изменения находят свое отражение в концепции

⁸ Read S. Intensive urbanization: levels, networks and central places // *The Journal of Space Syntax*. 2013. Vol. 4. N 1. P. 2.

⁹ Парк Р. Город как социальная лаборатория. С. 12.

¹⁰ Cohen R., Kennedy P. *Global sociology*. N.Y., 2007. P. 408.

¹¹ Lefebvre H. *Le droit à la ville*. P., 2015. P. 70.

постметрополиса Э. Сойи, который предлагает свою логику развития “пространственности человеческой жизни”¹². Он выстраивает свою версию урбанистической истории, следуя за идеями А. Лефевра о “производстве пространства”¹³, которое, с одной стороны, детерминируется мыслями и действиями людей, с другой стороны, начинает формировать соответствующий ему образ жизни и мышления. Признание того, что пространственность является социально сконструированной, позволяет ему рассматривать все исторические и социальные процессы как своеобразное “сотворение географии”, основой которой следует считать процесс урбанизации.

Э. Сойя предлагает данную концептуальную основу и «выстраивает типологизацию урбанистических форм жизни как историческую периодизацию, как “геоисторию” человеческих поселений, аккумулирующих в пространственных формах формы социальной жизни»¹⁴, которые могут быть представлены через историю четырех урбанистических революций. Его версия “геоистории” во многом представляет собой обобщение и продолжение идей А. Лефевра и Л. Мамфорда о том, что является главными вехами процесса урбанизации.

Однако Э. Сойя включает в свою периодизацию новые процессы, практически отсутствующие у двух предыдущих авторов, и связывает современные изменения, характерные для городов, с четвертой урбанистической революцией. Это выделяет его концепцию среди остальных, несмотря на то что взгляд Э. Сойи на первые этапы урбанизации во многом является повторением тезисов, высказанных ранее другими авторами. Тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть все выделенные им урбанистические революции, чтобы, во-первых, не нарушать логику его рассуждений, позволяющую проследить урбанистическую историю от возникновения первых городов до наших дней, и, во-вторых, подробнее остановиться на специфике каждого из этапов.

Первая урбанистическая революция, согласно Э. Сойе, связана с так называемой “протоурбанизацией”¹⁵, ставшей результатом перехода к оседлому образу жизни. Около 40 тысяч лет назад начинается строительство еще не городов, но поселений, которые при необходимости можно легко забросить или перестроить, что

¹² Soja E. W. Op. cit. P. 6.

¹³ Lefebvre H. La production de l'espace. P., 1974.

¹⁴ Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 74.

¹⁵ Soja E. W. Op. cit. P. 23.

является значительным шагом вперед по сравнению с пещерными жилищами. Одомашнивание растений и животных примерно 10 тысяч лет назад, названное неолитической революцией, приближает человечество к полноценному земледелию и животноводству вместо охоты и собирательства, на территории юго-западной Азии происходит становление таких политических форм, как “вождизм” или “деревня-государство”. Это сопровождается оформлением новых поселенческих форм, меняющих социальную жизнь и социальный порядок, посредством систематической планировки и упорядоченного распределения земли. Однако аграрные общества эпохи неолита, несмотря на все свои достижения (создание запасов продовольствия, начало разделения труда, технологические решения, в частности, в сфере ирригации, появление письменности и другие атрибуты цивилизации), еще не создают того, что можно было бы именовать городом.

Необходимо отметить, что Л. Мамфорд также отмечает, что отправной точкой урбанизации следует считать не города, а “эополисы”¹⁶, которые предстают как прототипы города, возникающие при переходе к оседлому образу жизни. Эти протогорода обеспечивают значительный экономический и культурный рост, поскольку сглаживают сезонные и циклические нарушения в сельском хозяйстве за счет избыточного производства.

Это самое начало урбанизации, которое редко попадает в сферу внимания социологов. Но именно этот период обеспечивает формирование основы для цивилизационного перехода и возвышения городов в качестве политических, экономических и культурных центров.

Результатом *второй урбанистической революции* становится оформление собственно городов, прежде всего, в Месопотамии, имевшее место около 6–7 тысяч лет назад и связанное с комплексом причин: усилением административной власти, развитием торговли, расширением религиозной и церемониальной деятельности, появлением новых технологий, ростом численности населения и т.д. Э. Соья полагает, что необходимо также учитывать влияние синекизма¹⁷, который в данном контексте он понимает как объединение нескольких деревень и поселений в одно большое и консолидированное урбанистическое образование.

Так, трансформация знания и власти ведет к изменению пространства и появлению городов, среди которых одним из первых

¹⁶ Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970. P. 285.

¹⁷ Soja E. W. Op. cit. P. 23.

исследователь считает шумерский Ур¹⁸. Фактически, происходит практически одновременное создание двух новых пространственных форм социальной жизни — города и государства, иногда объединяющихся в город-государство, или полис, появление которого принято рассматривать как отправную точку цивилизации и письменной истории человечества. Ур представляет собой один из первых примеров подобного города-государства, хотя полис традиционно ассоциируется с Грецией. При этом Рим, по словам Э. Сойи, демонстрирует становление “города-империи”¹⁹, где понятие гражданства относится уже не к жителю города, а к жителю государства. Тем не менее, даже в случае империи именно город, в данном случае Рим, рассматривается как основная пространственная форма и главная движущая сила истории.

Этот период урбанистического развития довольно подробно рассмотрен М. Вебером, который отмечает, что основой античных, а позднее и средневековых городов следует считать экономическое, политическое и культурное единство: “Античные города были в соответствии с представлениями их жителей (а эти представления имели на практике важное значение) прежде всего добровольными объединениями и конфедерациями, составленными из ассоциаций лиц отчасти преимущественно родового характера, а отчасти (как это было, вероятно, с фратриями) преимущественно военного”²⁰. Однако в средневековых городах происходит ослабление рода в качестве конституирующего город элемента, поскольку города превращаются в «общественную ассоциацию, обладающую особыми и характерными органами, союз “бюргеров”, подчиненных в качестве таковых общему для всех них и только для них существующему праву»²¹. Более того, принадлежность жителей города к каким-либо другим сообществам, кроме городского, теряет свое значение.

Необходимо также отметить, что несмотря на социальную неоднородность городов они становятся уникальными пространствами, где “сословные различия исчезали, во всяком случае в той мере, в какой они означали отличие свободных (в традиционном смысле) от несвободных”²², а свободным делал уже сам городской воздух. При этом М. Вебер оговаривается, что речь идет преимущественно о западном городе, который в Средние века «был скрепленной присягой “коммуной” и считался в правовом смыс-

¹⁸ Soja E. W. Op. cit. P. 60.

¹⁹ Ibid. P. 24.

²⁰ Вебер М. Город. М., 2018. С. 58.

²¹ Там же. С. 55.

²² Там же. С. 53.

ле “корпорацией”»²³. Тем самым, западные средневековые города следует рассматривать как вполне автономные образования, определявшие правовое положение своих жителей как членов сообщества. Более того, в Средние века происходит формирование союзов городов, например, ганзейский, что демонстрирует довольно высокую степень их автономии и международное значение.

Так, города в качестве стратегических пространств существуют на протяжении нескольких тысячелетий, но доля их жителей в общей численности населения продолжает оставаться не очень высокой, пока не разворачивается *третья урбанистическая революция*, способствовавшая оформлению промышленного города, который Э. Сойя называет “модерновым метрополисом”²⁴. Новая мощная “волна” урбанизации связана со становлением капитализма и оформлением общества модерна²⁵, поэтому исследователь и называет соответствующий данному периоду город современным. Французский историк Ф. Бродель указывает на важную роль городов в становлении капитализма в целом²⁶ и связывает этот процесс именно с городами. Хотя М. Вебер указывает, что средневековые города не следует рассматривать как основу современного капитализма или современного государства, это, тем не менее, не мешает им быть “одним из важнейших и неперенных факторов их возникновения”²⁷.

При этом урбанизация на всех своих этапах принимает разнообразные “пестрые формы”²⁸, иначе говоря, торговые, колониальные, промышленные и другие города имеют свои особенности. Однако именно промышленные города рассматриваются как ключевые пространства становления урбанизированного капиталистического общества. Для Э. Сойи их классическими примерами являются Манчестер и Чикаго²⁹, которые можно назвать своеобразными социальными и пространственными “лабораториями” для теоретического осмысления данного этапа урбанизации и урбанизма как особого образа жизни.

Промышленная урбанизация во многом представляет собой “структурирование” окрестностей вокруг центров и новых транс-

²³ Вебер М. Указ. соч. С. 68.

²⁴ Soja E. W. Op. cit. P. 76.

²⁵ Palen J. J. Op. cit. P. 3; Cohen R., Kennedy P. Op. cit. P. 246; Tilly Ch. The forms of urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / Ed. by T. Parsons. N.Y., 1968. P. 75–76.

²⁶ Braudel F. The perspective of the world: civilization and capitalism 15–18-th Century. Vol. III. L., 1984. P. 27.

²⁷ Вебер М. Указ. соч. С. 180.

²⁸ Tilly Ch. The forms of urbanization. P. 80.

²⁹ Soja E. W. Op. cit. P. 78–94.

портных сетей (железнодорожных, автомобильных и т.п.), которые позволяют с высокой скоростью преодолевать значительно большие расстояния, чем это могли сделать пешеходы, лошади и повозки доиндустриальных времен³⁰. Города становятся не только местом жизни все большего числа людей, но и важнейшими производственными центрами индустриального общества.

Тем самым, промышленный город и сопровождающий его городской образ жизни возникают совсем недавно, однако они становятся объектами изучения для многих представителей классической социологии. К ним, в частности, относятся К. Маркс и Ф. Энгельс, которые предлагают свое прочтение третьей урбанистической революции, которое находит свое продолжение и в современной социологии, например, в работах А. Лефевра³¹. Промышленный город со своими конфликтами, но тем не менее, рассматривающийся как сообщество, становится одним из основных объектов исследования в социологии XIX — первой половины XX столетия, поскольку является пространством ключевых социальных изменений, что и ведет к появлению социологии города.

По словам С. Сассен, “в первой половине XX века исследования города были сердцем социологии. Доказательством этого являются работы Зиммеля, Вебера, Беньямина, Лефевра, Чикагской школы, особенно Парка и Вирта, испытавших серьезное влияние немецкой социологии. Эти социологи столкнулись с массовыми процессами — индустриализацией, урбанизацией, отчуждением, новыми культурными формами, которые они назвали урбанистическими. Однако к 1950-м годам исследования города постепенно утратили свою привилегированную роль в социологии в качестве линзы для изучения социальных процессов и источника ключевых аналитических категорий”³². Это можно объяснить тем, что социологии требуется время для осмысления социальных изменений XX столетия, которые ставят перед социологией новые вопросы, требующие ответов.

Современная социология города и урбанизации во многом представляет собой осмысление тех трансформаций, которые Э. Соя называет *четвертой урбанистической революцией*. Она разворачивается в конце XX столетия вследствие субурбанизации, деиндустриализации или реиндустриализации, глобализации и информатизации и приводит к появлению того, что Э. Соя называет

³⁰ Read S. Op. cit. P. 9.

³¹ Lefebvre H. Le droit à la ville; *Idem*. La production de l'espace.

³² Sassen S. What would Jane Jacobs see in the global city? Place and social practices // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / Ed. by S. Hirt, D. Zahm. N.Y., 2012. P. 86.

“постметрополисом”³³, который, по его мнению, является постиндустриальным, постмодерновым и посткапиталистическим. Если город, появившийся в результате второй и третьей урбанистических революций, можно охарактеризовать как “дискретную географическую, экономическую, политическую и социальную единицу, которую легко идентифицировать по четкому отделению от сельского пространства”³⁴, то постметрополис утрачивает границы, “втягивая” в себя близлежащие территории и превращая их в зону своего экономического и символического влияния.

Формирование новых урбанистических образований позволяет итальянскому социологу Ф. Ферраротти сделать вывод о том, что “классический город исчерпывает себя”³⁵, поскольку грань между городом и сельской местностью постепенно стирается, создавая пространство, называемое Э. Соей постметрополисом. При этом границы постметрополиса становятся все более проницаемыми, не давая не только отделить город от того, что находится за его пределами, но и затрудняя установление границ между разными постметрополисами, поскольку формируются обширные урбанизированные территории, не имеющие четких очертаний.

Формирование агломераций и мегалополисов во многом обусловлено распространением личного автотранспорта, поскольку автомобили разрушили городские стены и уничтожили барьеры на своем пути. А. Лефевр даже призывал ограничить производство и использование автомобилей, поощрять людей пользоваться общественным транспортом, чтобы окончательно не утратить город, получив взамен аморфное образование³⁶. Однако остановить процесс образования новой пространственной морфологии оказалось невозможно, тем более что формирование агломераций детерминировано еще и миграционными процессами, ставшими гораздо более интенсивными к концу XX столетия, нежели прежде. В XXI в. число мигрантов, как внутренних, так и внешних, растет с каждым годом, заставляя города расширять свои границы, превращаясь в крупные урбанизированные образования.

Важную роль в создании новой топографии также играют современные коммуникационные и информационные технологии, что позволяет назвать эту топографию “электронной”³⁷. В ее основе оказываются не только физические пространства, но также

³³ Soja E. W. Op. cit. P. 147.

³⁴ Chambers I. Border dialogues: journeys in postmodernity. L.; N.Y., 1990. P. 53.

³⁵ Ferrarotti F. Five scenarios for the year 2000. N.Y.; Westport; L., 1986. P. 31.

³⁶ Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 117–118.

³⁷ Soja E. W. Op. cit. P. 151.

сети виртуальной реальности, искусственный интеллект, кибер-реальность и цифровые сообщества. Можно сказать, что для пост-метрополиса характерна психастения, которая понимается в урбанистике как “нарушение отношений между собой и окружающей территорией, состояние, в котором пространство, определяемое координатами собственного тела, смешивается с представляемым пространством”³⁸. Психастенический постметрополис отказывается от собственной идентичности и фактически поглощается окружающей средой, исчезая как дифференцированная сущность. Урбанизированное пространство становится все более похожим на глобальные географические регионы, нежели на привычные города.

Однако метрополисы продолжают существовать в новых пространственных реалиях параллельно с постметрополисами. В данной ситуации у метрополиса есть два основных пути: он может превратиться в заброшенный памятник предыдущей эпохи (например, Детройт) или же шагнуть в будущее, трансформировавшись в постметрополис, как это вполне успешно делает Лос-Анджелес, являющийся для Э. Сойи главным примером новой пространственной организации³⁹. С его точки зрения, именно Лос-Анджелес может служить модельным объектом для изучения специфики современного этапа урбанизации, когда города утрачивают четкие границы.

Новый этап урбанизации также характеризуется изменением пригородных форм жизни, которые становятся все более густонаселенными и неоднородными, похожими на традиционные города со свойственными им проблемами. Современные пригороды отражают фундаментальное изменение урбанистических форм социальной жизни, которая к концу XX столетия “не имеет никаких определенных границ, центра или периферии, а также четких различий между жилыми, промышленными или деловыми зонами”⁴⁰. Кроме того, происходит формирование кластеров децентрализованной занятости, в которых наиболее значимым элементом является создание рабочих мест для сотрудников офисов⁴¹. Не менее важное значение имеет и строительство деловых и развлекательных центров за пределами городских границ, которое приводит к радикальным изменениям урбанистического пространства.

Кроме жилых пригородов (*suburbs*), характерных для середины XX столетия, во второй его половине появляются так называемые

³⁸ Olalquiaga C. Megalopolis. Minneapolis, 1992. P. 1–2.

³⁹ Soja E. W. Op. cit. P. 154.

⁴⁰ Fishman R. Bourgeois utopias: the rise and fall of suburbia. N.Y., 1987. P. 189.

⁴¹ Lang R. E. Edgeless cities: exploring the elusive metropolis. Washington, 2003.

“города на краю” (*edge cities*)⁴², которые представляют собой особый тип пригородов, возникающих вокруг деловых и торгово-развлекательных центров. Это большие многофункциональные кластеры, которые включают в себя офисные и торговые помещения, находящиеся за пределами центральных районов и привлекающие в свои рабочие часы множество людей.

Однако трансформация урбанистического пространства продолжается, в начале XXI столетия исследователи отмечают появление нового явления — “бескрайних городов” (*edgeless cities*)⁴³ и заявляют о том, что их роль в создании рабочих мест за пределами традиционных городских границ еще выше, чем у “городов на краю”. Отличие “бескрайних городов” заключается в том, что их довольно сложно локализовать, поскольку они не отличаются такой высокой концентрацией коммерческих помещений, как “города на краю”. Тем не менее, “бескрайние города” с огромным разнообразием коммерческих форм живут активной деловой жизнью, которую весьма сложно нанести на карту в силу ее рассредоточения по большим урбанизированным пространствам.

Так, “расколотый урбанизм”⁴⁴ постепенно вытесняет традиционные модели структурирования городского пространства, которые продолжительное время были главными элементами городской географии. Вокруг мега-городов формируются урбанизированные регионы, причем этот процесс можно наблюдать в Европе⁴⁵, Северной Америке⁴⁶ и на всех континентах, за исключением Антарктиды⁴⁷. Следствием городской экспансии становится новая доминирующая форма урбанизации: образование полицентричных сетей, включающих в себя несколько десятков городов, разделенных административными границами, но функционально объединенных в одно целое. Различные населенные пункты группируются вокруг одного или нескольких крупных городов и получают экономические преимущества благодаря новому функциональному разделению труда, что требует серьезного социологического анализа.

Необходимо отметить, что первыми на тот факт, что границы городов становятся все более условными, указывают представители британской школы проектировщиков городского пространства.

⁴² Garreau J. *Edge city: life on the new frontier*. N.Y., 1991.

⁴³ Lang R.E. *Op. cit.*

⁴⁴ Graham S., Marvin S. *Splintering urbanism*. L., 2001.

⁴⁵ Hall P., Pain K. *The polycentric metropolis. Learning from mega-city regions in Europe*. L., 2006.

⁴⁶ Carbonell A., Yaro R.D. *American spatial development and the new megalopolis // Land Lines*. 2005. Vol. 17. N 2. P. 1–4.

⁴⁷ Khanna P. *Connectography: mapping the future of global civilization*. N.Y., 2016.

Так, помимо детального изучения бедности и нищеты в условиях растущего благосостояния, Ч. Бут фиксирует, что город и его окрестности постепенно превращаются в единую социально-экономическую систему, поэтому власти Лондона, принимая решения, должны учитывать непрерывный и довольно быстрый рост численности населения⁴⁸. Другой представитель данной школы, П. Геддес, приходит к выводу о том, что необходимо рассматривать города как центры более крупных образований. Он предлагает концепцию регионального планирования, считая улучшение градостроительства главным практическим применением социологии⁴⁹. Тем самым, они первыми отмечают изменение урбанистической морфологии в то время, когда эти процессы были еще не столь очевидны, как во второй половине XX в.

На различие между естественными и административными границами городов указывает и Р. Парк. По его словам, город «обычно является центром региона с очень высокоспециализированным производством, и вокруг него широко простирается соответствующая торговая зона. В этих условиях основные очертания современного города будут определяться 1) локальной географией и 2) маршрутами транспортных перевозок»⁵⁰. Однако урбанистическая морфология второй половины XX столетия значительно сложнее и определяется гораздо большим количеством факторов, нежели 100 лет назад. В частности, современные постметрополисы функционируют в условиях глобализации, которая также способствует стиранию границ, причем не только между городами и окружающими их территориями, но и между обществами, что получает серьезное осмысление в социологической теории.

Глобализация не только способствует пересмотру пространственно-временных отношений, в частности, по словам У. Бека, требуя отказа от парадигмы обществ, организованных в рамках национальных государств⁵¹. Новые урбанистические формы вполне могут стать основой для изучения социальной жизни в условиях глобализации и цифровизации. Социологические исследования города и урбанизации конца XX — начала XXI в. по-прежнему выстраиваются на основе изучения сообществ, которые рассматриваются как универсальные формы социальной жизни. При этом необхо-

⁴⁸ Booth Ch. Life and labour of the people in London. L., 1903. Vol. 17. P. 179.

⁴⁹ Munshi I. Patrick Geddes: sociologist, environmentalist and town planner // Economic and Political Weekly. 2000. Vol. 35. N 6. P. 485–491.

⁵⁰ Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 14.

⁵¹ Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1. P. 80.

димо отметить, что появление новых средств коммуникации, делая возможным образование новых типов сообществ, существующих в киберпространстве, не снимает значимости для них локального компонента, являющегося результатом принадлежности к тем или иным урбанистическим сообществам с их культурой, системой ценностей и моделями поведения.

Тем самым, пространственно-временные изменения, ставшие результатом четвертой урбанистической революции, способствуют оформлению новой глобальной морфологии, которая оказывается в центре внимания многих социологов. Изучение пространства становится одной из основных интеллектуальных областей, в которой формулируются альтернативы национально-государственному порядку. Особенно явно это происходит в рамках дискуссий по вопросам глобализации и формирования мировых и глобальных городов, которые рассматриваются как локализованные узлы в глобальной иерархии межгородских отношений, сменяющих межгосударственные⁵² и напоминающих союзы средневековых городов. Формируется новое видение социальной реальности, конструирующейся в результате стремления транснационального капитала максимизировать свою способность перемещаться без препятствий, создающихся государственными границами или регулирующими органами. При этом глобальный ракурс рассмотрения многих социальных процессов дополняется локальным, поскольку это естественная составляющая социологического анализа городов и урбанизации.

Американский социолог С. Сассен полагает, что многие проблемы, стоящие перед современной социологией вообще и городскими исследованиями в частности, связаны с глобальными трансформациями и следующими за ними изменениями пространственных моделей⁵³. Можно сказать, что глобализация способствует смещению интересов социологии от национальных государств к городам и новым урбанистическим формам, которые снова рассматриваются не только как сообщества, но и как основные формы социальной жизни и главные экономические и политические центры современного мира.

Тем самым, пространство является одной из важнейших категорий современной социологической теории⁵⁴, которая позволяет характеризовать общества и сравнивать их друг с другом, и именно

⁵² *Taylor P.J.* Embedded statism and the social sciences: opening up to new spaces // *Environment and Planning A*. 1996. Vol. 28. N 11. P. 1917–1928.

⁵³ *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. N 1. P. 143.

⁵⁴ *Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge, 1986. P. 110–119.

поэтому история социологии предлагает множество попыток концептуализации пространственного порядка. Современная социология так же, как и классическая, указывает на связь социальных форм с пространством и временем, подчеркивая, что изучение городов и урбанизации является фундаментальным компонентом социологической теории, поскольку представляет собой осмысление пространственно-временных форм организации социальной жизни от протогородов до постметрополисов.

Современный этап социологических исследований, в центре внимания которых находятся уже не только города, но и процесс урбанизации в целом, фактически совпадает по времени со становлением постиндустриального общества, изменившего не только рынок труда, но и пространственную морфологию, заставив промышленные города искать новые векторы своего развития. На данном этапе урбанизация начинает рассматриваться более широко, а именно, как процесс, предполагающий образование высокоурбанизированных зон, способных включать в себя несколько городов, а также менее крупные поселения⁵⁵. Тем самым, постиндустриальное общество диктует новую пространственную структуру, преодолевающую административные границы городов и выходящую за их пределы, что дает новый импульс для проведения социологических исследований города и урбанизации.

Современность бросает вызов территориальным границам и предлагает широкий диапазон новых урбанистических образований, в том числе и в развивающихся странах. Местные традиции трансформируются глобализационными процессами, обостряя социальные проблемы, которые требуют поиска решений объединенными усилиями представителей таких наук, как экономика, география, политология, социология и других. Особенно беспокоит ученых усиление экономического и социального неравенства, появление новых его форм, в частности, экологического и пространственного, во многом связанных с неолиберальной глобализацией. Сегодня архитекторы и градостроители должны предлагать гибкие модели развития территорий не только на основе их функциональности, но и учитывая возможности если не решения, то хотя бы сокращения числа существующих социальных проблем.

Современные авторы указывают на формирование новых пространственных форм и даже урбанистической цивилизации, определяемой процессами общего переструктурирования экономической и социальной жизни на фоне процессов глобализации, сетевизации

⁵⁵ Zukin S. A decade of the new urban sociology // *Theory and Society*. 1980. Vol. 9. N 4. P. 576.

и цифровизации, которые меняют сообщества, что требует своего социологического анализа. Тем самым, исследования города и урбанизации в современной социологии выходят с локального уровня, характерного для Чикагской школы, на глобальный, поскольку многие новые вопросы требуют своего изучения в международном масштабе. Например, все большее внимание уделяется проблемам, связанным с взаимозависимостью и необходимостью устойчивого развития, поскольку тема экологии приобретает все более серьезное звучание в социологии, и она не может рассматриваться исключительно в локальном контексте.

Тем самым, социология на рубеже XX–XXI столетий демонстрирует готовность адаптироваться к новым для науки вызовам, постоянно включая в сферу своего внимания перспективные направления исследований. В частности, современная социология города и урбанизации предлагает анализ того, как глобальные сети урбанистических образований участвуют в изменении пространства государственной власти и городского управления⁵⁶. Соответственно, урбанистическое пространство в современной социологии, как и в начале прошлого столетия, становится “лабораторией” для изучения многих вопросов, стоящих перед обществом и социологией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Город. М., 2018.
Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология: Сб. М., 2000.
Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1.

REFERENCES

- Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1.
Braudel F. The perspective of the world: civilization and capitalism 15–18-th century. Vol. III. L., 1984.
Carbonell A., Yaro R.D. American spatial development and the new megalopolis // Land Lines. 2005. Vol. 17. N 2.
Chambers I. Border dialogues: journeys in postmodernity. L.; N.Y., 1990.
Cohen R., Kennedy P. Global sociology. N.Y., 2007.

⁵⁶ Le Galès P., Harding A. Cities and states in Europe // West European Politics. 1998. Vol. 21. N 3.

- Ferrarotti F.* Five scenarios for the year 2000. N.Y.; Westport; L., 1986.
- Fishman R.* Bourgeois utopias: the rise and fall of suburbia. N.Y., 1987.
- Garreau J.* Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.
- Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge, 1986.
- Graham S., Marvin S.* Splintering urbanism. L., 2001.
- Hall P., Pain K.* The polycentric metropolis. Learning from mega-city regions in Europe. L., 2006.
- Khanna P.* Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.
- Lang R. E.* Edgeless cities: exploring the elusive metropolis. Washington, 2003.
- Le Galès P., Harding A.* Cities and states in Europe // West European Politics. 1998. Vol. 21. N 3.
- Lefebvre H.* La production de l'espace. P., 1974.
- Lefebvre H.* Le droit à la ville. P., 2015.
- Marks K., Engel's F.* Nemeckaya ideologiya [German ideology] // Marks K. Sociologiya: Sb. M., 2000 (in Russian).
- McQuarrie M., Marwell N.P.* The missing organizational dimension in urban sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. N 3.
- Mumford L.* The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L., 1989.
- Mumford L.* The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970.
- Olalquiaga C.* Megalopolis. Minneapolis, 1992.
- Palen J.J.* The urban world. L., 2008.
- Park R.* Gorod kak social'naya laboratoriya [City as a social laboratory] // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. T. 2. N 3 (in Russian).
- Park R.* Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguraciya i moral'nyj poryadok [Urban community as a spatial configuration and moral order] // Sociologicheskoe obozrenie. 2006. T. 5. N 1 (in Russian).
- Read S.* Intensive urbanization: levels, networks and central places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. N 1.
- Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1.
- Sassen S.* What would Jane Jacobs see in the global city? Place and social practices // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / Ed. by S. Hirt, D. Zahm. N.Y., 2012.
- Soja E. W.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007.
- Taylor P.J.* Embedded statism and the social sciences: opening up to new spaces // Environment and Planning A. 1996. Vol. 28. N 11.
- Tilly Ch.* The forms of urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / Ed. by T. Parsons. N.Y.; L., 1968.
- Tilly Ch.* What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. N 6.
- Veber M.* Gorod [City]. M., 2018 (in Russian).
- Vershinina I.A., Polyakova N.L.* Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoj sociologicheskoy urbanistiki [Theoretical and methodological problems of modern sociological urban studies] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2013. N 4 (in Russian).
- Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. N 4.